

Ван И Пин умела играть. Она была гибкой и могла кланяться и подчиняться или стоять прямо как скала. Она тут же бросилась к Цзы Ю и опустилась на колени.

— Я... я не понимала, что делаю... у-у-у [Плач]... Я ошибалась... Я буду... буду стоять перед тобой на коленях и молить о прощении.

Конечно же, Му Ин Руи немного остыл, видя, как она преклоняет колени перед его дочерью.

Он хотел что-то сказать, но Цзы Ю содрогнулась от страха и спряталась за ним.

Прячась, она схватилась за кровоточащую руку и закричала:

— Нет, мама, ты больше этого не сделаешь. Пожалуйста, не ругай маму, папу и дедушку. Ты... ты... у-у-у...

На коленях просишь прощения? Ты причинила мне огромную боль. Если бы ты не выучила урок, если бы Му Ин Руи не держался от тебя подальше с этого момента, я бы не потратила впустую всю эту кровь, пощёчину, которую ты мне дала, и эту пьесу, в которой я играю.

Гнев Му Ин Руя, который был частично погашен, снова зажёгся от действий Цзы Ю. Его взгляд снова стал безжалостным.

Ван И Пин чуть не скрежетнула зубами от злости. Она была более уверена, что Цзы Ю нарочно приняла её пощёчину и нарочно упала на землю, чтобы Му Ин Руи увидел это.

Но она не могла этого объяснить. Она действительно бранила и действительно била её. И всё это видел Му Ин Руи.

Ван И Пин снова разозлилась. Но к ней вернулась и рассудительность. Её мозг был более бодр, чем раньше. Она знала, что если это дело не будет скрыто, как только Старый Генерал Му узнает правду, её накажут и бросят на произвол судьбы.